

Чэн Чжаньси, как обычно, сохраняла уважительную дистанцию, но её терзало любопытство, и она чуть ли не вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть.

Девочка выпрямилась, и Чэн Чжаньси тут же сложила руки за спиной, делая вид, что ничего не происходит, и начала рассматривать небо, землю и окрестности.

Но боковое зрение продолжало следить за девочкой.

Заметив, что та направляется к ней, она быстро выпрямилась и перевела взгляд на её лицо, вежливо улыбнувшись.

Девочка тоже держала руки за спиной и медленно приближалась.

Её щёки были бледными, словно от недоедания, а тонкие губы, почти лишённые цвета, слегка сжались. Из-за спины она медленно достала букетик только что сорванных цветов.

Небольшой букет нежных жёлтых полевых ромашек, украшенных тёмно-зелёными листьями.

Чэн Чжаньси с недоверием указала на себя:

— Для меня?

Она снова вспомнила, что девочка не слышит, и изо всех сил попыталась выразить это жестами.

Маленькая немая слегка кивнула.

Чэн Чжаньси торжественно приняла букет и невольно расплылась в широкой улыбке, сказав:

— Спасибо.

Возможно, её восторг передался девочке, и та, всегда молчаливая и замкнутая, слегка улыбнулась. Улыбка была едва заметной, как мимолётное цветение ночной фиалки.

Так Чэн Чжаньси и маленькая немая стали друзьями.

Она брала с собой мольберт и отправлялась в горы рисовать, а маленькая немая наблюдала за ней, сначала издали, потом всё ближе. В конце концов она села перед мольбертом, держась за края своей одежды и сжимая их в кулаки, её фарфоровое лицо покрылось лёгким румянцем.

Чэн Чжаньси, держа кисть, улыбнулась:

— Не двигайся, скоро закончу.

Маленькая Чэн Чжаньси ещё не изучила много техник рисования, полагаясь на свою бурную фантазию.

Когда она показала готовый рисунок маленькой немой, та серьёзно приняла его и внимательно посмотрела на неё.

Чэн Чжаньси не удержалась и слегка коснулась её руки. Она была холодной и маленькой.

Чэн Чжаньси выучила несколько простых жестов, чтобы общаться с маленькой немой.

«Привет», «спасибо», «пойдём в горы?», «ты мне нравишься», «давай поиграем», «я провожу тебя домой».

Она делала это с радостью каждый день.

Провожая её до дома, она услышала, как кто-то внутри звал её «Мо-Мо». Вместе с ней жила женщина средних лет, выглядевшая сурово, которая никого не пускала в дом, включая обаятельную Чэн Чжаньси.

Летние каникулы закончились, и семья Чэн отправила дворецкого, дядю Дэна, забрать Чэн Чжаньси домой. Она пошла попрощаться с маленькой немой. Боясь, что местные дети снова будут её обижать, она обошла все дома, предупредив их, и попросила бабушку с дедушкой присматривать за ней. Каждый раз, когда она звонила, спрашивала, как поживает сестрёнка.

Перед расставанием она пообещала Мо-Мо нарисовать её портрет, настоящий, как она сама.

Но больше они не встретились, и этот рисунок остался невыполненным обещанием.

Ещё до конца семестра бабушка с дедушкой сказали, что Мо-Мо переехала.

Дом опустел, и никто не знал, куда они ушли.

Если бы это был обычный друг детства, Чэн Чжаньси давно бы забыла о нём. Но Мо-Мо была глухонемой, и долгое время после её отъезда Чэн Чжаньси вспоминала, как она забивалась в угол, её пустой взгляд, неизвестно откуда появляющиеся синяки, букет полевых цветов, который она подарила, и её едва заметную улыбку, как мимолётное цветение.

Она думала о ней каждый день, переживая, не обижают ли её, сможет ли она вырасти здоровой и счастливой.

Прошло двадцать лет, и Чэн Чжаньси, звоня бабушке с дедушкой, всё ещё иногда спрашивала:

— Видели ли вы Мо-Мо? Она вернулась?

Получив отрицательный ответ, она надолго задумывалась.

...

Когда Чэн Чжаньси вернулась, она была мокрой до нитки. Юй Цинтан ждала её у входа, не заходя внутрь.

— Почему не зашла? — Чэн Чжаньси шмыгнула носом, голос звучал слегка хрипло.

— Боялась, что ты не найдёшь, — Юй Цинтан произнесла это как бы между прочим и начала расстёгивать пуговицы своего плаща, но Чэн Чжаньси тут же схватила её руку, чтобы остановить. Ладонь была мокрой и холодной, даже холоднее кожи Юй Цинтан. Она быстро отпустила и сказала:

— Не надо, оставь себе. Где мой пиджак?

Юй Цинтан протянула ей пиджак, который спасла от дождя. Чэн Чжаньси надела его, но он был тяжёлым и мокрым, и она снова сняла, сказав:

— Ничего, я крепкая.

Юй Цинтан с лёгким неодобрением посмотрела на неё, но ничего не сказала и открыла дверь закускойной.

Внутри было полно студентов, которые укрывались от дождя и заодно ужинали. Они с трудом нашли два свободных места в углу. Чэн Чжаньси откинула мокрые волосы с шеи и подняла взгляд на меню на стене:

— Что ты хочешь заказать?

Юй Цинтан ответила:

— Куриную ножку с рисом.

Чэн Чжаньси обычно готовила сама, поэтому редко заходила в «Шасянь». Она просмотрела меню и спросила:

— Что ты посоветуешь?

Юй Цинтан внимательно изучила меню и серьёзно предложила:

— Лапшу и пельмени.

Чэн Чжаньси кивнула:

— Хорошо, пусть будет так.

Юй Цинтан встала и холодно сказала:

— Я закажу.

Чэн Чжаньси, расчёсывая пальцами волосы, наблюдала за её спиной, стоящей в очереди у окна, и уголки губ слегка приподнялись.

Юй Цинтан быстро вернулась и села напротив, повернув голову к окну, где дождь всё ещё лил с той же силой.

Чэн Чжаньси тоже смотрела на дождь, но сегодня, вопреки своей привычке много говорить, она молчала.

Юй Цинтан привыкла и даже любила такие тихие моменты, но в сердце закралось любопытство: о чём думает Чэн Чжаньси, глядя на дождь? Кто вызвал эту лёгкую грусть в её взгляде?

Занятая официантка поставила на стол тарелки и корзинки с едой, даже не успев сказать «приятного аппетита». Лёгкий стук посуды вернул Чэн Чжаньси к реальности, и она извиняюще улыбнулась Юй Цинтан. Та с едва заметным интересом посмотрела на неё, но так и не спросила.

— Давай поедим, — она произнесла это спокойно и пододвинула к ней соус чили. — Это можно добавить к пельменям.

— Спасибо.

Чэн Чжаньси взяла палочки, перемешала лапшу и начала не спеша есть.

Вокруг студенты разговаривали, но они обе молчали. Шум дождя создавал уютную атмосферу уединения.

Еда способна поднять настроение. Чэн Чжаньси проглотила последний пельмень и, дождавшись, когда Юй Цинтан закончит, сказала:

— Учитель Юй, у тебя есть планы на завтра?

Юй Цинтан, не меняя выражения лица, ответила:

— Готовиться к урокам.

— Ну что ж, — Чэн Чжаньси улыбнулась. — Ты слишком предана своей работе. Если завтра не будет дождя, я пойду посмотреть квартиру, а если будет — займусь скалолазанием в помещении. Давно не тренировалась, чувствую, что совсем заржавела.

Юй Цинтан незаметно окинула взглядом её фигуру, подчёркнутую полувывсохшей чёрной футболкой, и едва заметно приподняла бровь.

Не слишком ли она скромничает?

Чэн Чжаньси продолжила:

— У меня был друг в Сычэне, но он уехал, и теперь мне придётся идти одной. Как одиноко.

Юй Цинтан промолчала, делая вид, что не понимает намёка.

Чэн Чжаньси нежно произнесла:

— Сестра Юй~

Юй Цинтан взяла сумку и прервала её:

— Кажется, дождь стихает, мне пора домой.

— Я провожу тебя?

— Я провожу тебя.

— А?

Через пять минут Юй Цинтан вышла из магазина напротив с зонтом и, прикрыв им Чэн Чжаньси, посадила её в пойманное такси.

Впервые она оказалась в машине, а Юй Цинтан снаружи, и это ощущение было для Чэн Чжаньси новым.

Она выглянула из опущенного окна, подмигнув Юй Цинтан своими ясными глазами.

Юй Цинтан без эмоций сказала:

— Будь осторожна.

Чэн Чжаньси улыбнулась:

— Наоборот.

Юй Цинтан уточнила:

— Что?

Чэн Чжаньси указала на них обеих:

— Осторожнее в пути, береги себя.

Юй Цинтан поняла, вспомнив предыдущую сцену, и поменяла слова местами:

— Дома напиши мне... отправь сообщение.

По её характеру это было излишним, но после слов Чэн Чжаньси она инстинктивно поменяла фразы, реагируя с небольшим опозданием.

Чэн Чжаньси рассмеялась.

— Увидимся в понедельник.

Юй Цинтан сжала губы:

— Увидимся в понедельник.

Такси исчезло в тумане дождя.

Юй Цинтан осталась стоять на месте, а через некоторое время повернулась и пошла домой.

В воскресенье Юй Цинтан готовилась к урокам в кабинете, а потом вышла забрать заказ и, пообедав, открыла страницу Чэн Чжаньси в соцсети.

Чэн Чжаньси, как и ожидалось, обновила ленту, опубликовав десятисекундное видео.

<http://bllate.org/book/16859/1552874>